

Научная статья
УДК 340.5
doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-55-66

Юлия Владимировна Сорокина

доктор юридических наук, профессор
<https://orcid.org/0009-0009-4669-737X>, yulia_sor@mail.ru

*Воронежский государственный университет
Российская Федерация, 394018, Воронеж, пл. Ленина 10 «а»*

*Воронежский филиал РАНХиГС
Российская Федерация, 394005, Воронеж, Московский проспект, д. 143*

Правовая система Китая

Аннотация: Введение. В настоящее время Китай занимает одну из лидирующих позиций в мире в области экономики, культуры и права. Россия имеет давние связи с Китаем, которые развиваются быстрыми темпами. Особый интерес для российских юристов представляет собой правовая система этого государства, которая является поистине уникальной. Здесь органично соединяются традиции и обычаи, с одной стороны, и постоянная правовая модернизация – с другой, а само право тесно связано с культурой. В данной работе ставится проблема исследования правовой системы Китайской Народной Республики, выяснение её генезиса, рассмотрение этапов модернизации права, в частности, гражданского, анализ магистральной линии развития.

Методология. При выполнении работы применялись общенаучные и частнонаучные методы (сравнительно-правовой, конкретно-исторический). Используются также формально-догматический и логико-языковой, с помощью которых уясняется содержание и смысл правовых предписаний.

Результаты исследования. Рассмотрены традиционные источники социального регулирования, а именно, обычаи, которые охватывают все сферы общественной жизни. Показано всеобъемлющее влияние конфуцианства и конфуцианских устоев. В работе раскрываются пути формирования норм «ли», которые лежат в основе поведения людей. Проанализировано становление современной китайской правовой системы, которая складывается в процессе рецепции романо-германского права, англо-саксонского права, точнее, его американского варианта, конфуцианских норм и марксизма. Особое внимание уделяется развитию гражданского права и норм гражданского законодательства, рассматриваются вопросы согласования западных институтов и обычаев, утвердившихся в обществе.

Ключевые слова: норма, обычай, традиция, конфуцианство, право, гражданское право, рецепция, кодекс, гуаньси

Для цитирования: Сорокина Ю. В. Правовая система Китая // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 3 (99). – С. 55–66; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-55-66.

Yulia V. Sorokina

Dr. Sci. (Jurid.), Professor
<https://orcid.org/0009-0009-4669-737X>, yulia_sor@mail.ru

*Voronezh State University
10 «a», Lenin sq., Voronezh, 394018, Russian Federation*

*Voronezh branch of RANEP
143, Moskovskyave, Voronezh, 394005, Russian Federation*

Legal system of China

Annotation: Introduction. Currently, China occupies one of the leading positions in the world in the field of economics, culture and law. Russia has long-standing ties with China, which are currently developing rapidly. Of particular interest to Russian lawyers is the legal system of China, which is truly unique. There is an inorganic link between traditions and customs, on the one hand, and constant legal modernization, on the other, and the law itself is closely connected with culture. This paper poses the problem of studying the

legal system of the People's Republic of China, clarifying its genesis, considering the stages of modernization of law, in particular civil law, and analyzing the development path.

Methodology. When performing the research, general scientific and specific scientific methods (comparative legal, specific historical) were used. Formal-dogmatic and logical-linguistic methods were also used, with the help of which the content and meaning of legal regulations are clarified.

Research findings. Traditional sources of social regulation are considered, namely, customs that cover all spheres of public life. The comprehensive influence of Confucianism and Confucian principles is shown. The paper reveals the ways of forming "li" norms which are the basis of people's behavior. The article analyses formation of the modern Chinese legal system, which takes shape in the process of reception of Roman-Germanic law, Anglo-Saxon law, more precisely, its American version, Confucian norms and Marxism. Particular attention is paid to the development of civil law and civil law regulations; issues of harmonization of Western institutions and customs established in the society are considered.

Keywords: norm, custom, tradition, Confucianism, law, civil law, reception, code, guanxi

For citation: Sorokina Yu. V. Legal system of China // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – No. 3 (99). – P. 55–66; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-55-66.

Введение

В настоящее время Китай привлекает к себе пристальное внимание исследователей в области философии, культурологии, юриспруденции, причём государство и право Китая исследуются представителями как практической юриспруденции, так и теоретической. Долгое время Китай был закрыт от мира и жил в своём аутентичном территориально-временном и культурном пространстве. Были попытки наладить связь между западным миром и Китаем, но установление маоистского режима откинуло страну назад на десятилетия. Сейчас китайское общество и государство стремительно развиваются, страна активно выходит на международную арену. В настоящее время для России Китай является важнейшим экономическим и политическим партнёром, поэтому необходимо изучать государственность Китая, его правовую систему, а также философию и культуру.

Методология

При написании статьи использовались различные научные методы. В частности, сравнительно-правовой метод при рассмотрении китайской правовой системы в прошлом и настоящем и при исследовании внешнего влияния на становление китайского права. Также автор применил конкретно-исторический метод при выявлении уникальных черт традиционного нормативного регулирования в Китае. Использовался логико-языковой метод при выяснении смысла законодательных норм. Наконец, формально-догматический при анализе современного права Китая и его конкретных отраслей.

Результаты

Китайская Народная Республика представляет собой государство с уникальной правовой системой, поэтому проводить анализ китайского права – непростая задача, так как в нём воплотились самые разные способы социального регулирования. Современное китайское общество и право выстроены на мощном фундаменте китайской космологии, где человек – часть миропорядка. Идея гармонии является центральной для китайского общественного сознания. Сюда

прежде всего включается правило преобладания общего над частным, где интересы коллектива всегда стоят выше личного интереса и предполагается, что человек готов пожертвовать своими интересами ради общества. Из этого следует ещё одно правило – главенство обязанности над правом. Права личности на протяжении всей истории Китая приносились в жертву общине и государству. Гармония предполагает также идею примирения. Поэтому даже в современном Китае идеальное решение дела – это примирение спорящих. Наконец, стержнем всей общественной жизни является государство и строгая иерархия и, как следствие, господство патернализма – покровительственного отношения государства к своим гражданам. Уже в древней книге «И Цзин» («Книга перемен») говорилось о праве начальника на продвижение по службе подчинённого: «Начальник будет продвигать вас» – это толкование положения «Проявлять свою верность вовне. Настойчивость приносит удачу» [1, с. 132].

Вместе с тем мощные процессы модернизации существенным образом изменили способы и средства нормативного, точнее, правового регулирования. Китай открылся миру, что повлекло за собой принятие западного права. Традиционно приоритет признавался за романо-германским правом, но существенную роль играет и Общее право (Common Law). И, конечно же, в Китае присутствует коммунистическая идеология. Вследствие этого правовая система Китая являет собой переплетение традиций и обычаев, коммунистических идей и правовых норм, пришедших с Запада. Исследователь А. В. Егоров пишет, что «современное право Китая – это редкий симбиоз религиозно-коммунистических начал. Даже изменение общего политического климата не повлияло на правосознание китайцев. Это кроется в природе традиционного китайского права, которое вовсе не право, а идеология» [4, с. 171].

Вернёмся к «Книге перемен». По мнению А. В. Егорова, древняя «И Цзин» представляет собой срез сознания китайского общества, хотя первоначально она предположительно предназначалась для гадания (впрочем, она использу-

ется для этого и сейчас). Но в «И Цзин» также заключено видение мира, общества и человека, закрепление обязанностей людей. Например, «Женщина разделяет судьбу того мужчины, за которым она замужем, кем бы он ни был». Или такие замечания: «Искренне следуйте благому», «Хороший человек доводит начатое до завершения», «Время исправлять, что пропущено отцом. Если есть сын, чтобы это сделать, на отца не будет вины. Опасность. В конце удача» [11, с. 137]. Как видно, «Книга перемен» характеризует женщину как верную мужу, а почтительного сына – как хорошего человека, к которому в конце концов придёт удача. Также «И Цзин» выражает идею бесконфликтного общества, адаптацию к конфликту, подавление внутренней агрессивности. Это всё основные постулаты жизни китайского общества. Первое толкование к книге «И Цзин» – «Десять крыльев» – дал Конфуций. Традиционная китайская мысль не знает Абсолюта в западном его понимании. В конфуцианстве все относительно, а истина зависит от ситуации. Даосизм как самая ранняя доктринальная концепция утверждает принцип Недеяния – У Вей, и здесь нет места Абсолюту. И вообще для Китая характерен симбиоз даосизма, буддизма и конфуцианства. Конфуцианство – для публичной жизни, это правила поведения в обществе. Даосизм – нормы для частной жизни, и буддизм – для смерти.

На Западе судить – означает наказание, кару преступника, который должен просить прощения у жертвы. В Китае суд имеет целью примирение, погашение конфликта [11, с. 161]. В течение веков судебной деятельностью занимались не профессиональные юристы, а чиновники-администраторы, которые прежде чем получить должность, сдавали экзамены на знание литературы, поэзии, китайских философских трактатов. Китайский чиновник – образованный и справедливый человек, который не был изначально знаком со сводами законов. Для этого существовал помощник – знаток законодательных норм. Во главе государственной иерархии стоял монарх – Сын Неба. Он должен был обеспечивать порядок и гармонию в Поднебесной. [12] Конфуцианство использовало понятие «ли» – нравственно-ритуальные нормы. Им сопутствует «жень» – человеколюбие, гуманность; «чужу» – преданность государю; «и» – преданность долгу; «луань» – великодушие. Эти понятия являются принципами социального регулирования, предложенными конфуцианством. Конфуций развивает теорию о совершенном (благородном) муже, который общественные интересы ставит выше личных. Совершенствование человека начинается с подавления его его. Конфуций призывал преодолеть себя, и это – начало пути к достижению состояния совершенного мужа. Совершенный муж «сумел освободиться от диктата материальных условий, исключить фактор выгоды из своего поведения» [10]. Сам Конфуций утверждал, что «совершенный муж осознает свой долг, тогда как низкий человек ищет выгоду» [5, с. 13].

О. В. Шубаро пишет: «Введение этой антитезы при оценке людей представляет собой одно из достижений и главных заслуг конфуцианства. Всякое совершенствование человека начинается с отрешения от корысти» [10].

Согласно Конфуцию, человек, считающий, что кто-то по отношению к нему пренебрёг правилами «ли», не должен затевать конфликт, он должен стремиться к спокойному обсуждению с тем, чтобы находить согласие, а не сосредоточиваться на противоречиях и подчёркивать разногласия. В «Лунь Юй» говорится: «Если руководить народом посредством распоряжений и наводить порядок посредством наказаний, то народ станет уклоняться (от распоряжений и наказаний) и утратит свой стыд. Если управлять народом посредством «дэ» и поддерживать в нём порядок посредством надлежащих норм поведения, то народ сохранит свой стыд и будет управляем» [5, с. 99–100]. К слову, ««ли» — это не только система норм, это ещё и образ общественного сознания, которое выражается в видении того, как можно поступать, а как не следует» [9, с. 65].

Конфуций развивает мысль о ненасильственном политическом управлении. О. В. Шубаро выделяет два момента в этих высказываниях: во-первых, в политическую орбиту вводится народ как участник политических событий, и «именно его реакция, а не искусство, политика или интересы государства диктуют выбор методов управления. Здесь латентно присутствует мысль о том, что управлять политически можно лишь тем народом, который не утратил моральных ценностей. Во-вторых, здесь Конфуций основным средством управления видит не закон, а нормы “ли”, имеющие нравственно-этический характер» [10].

Легисты как раз были сторонниками жёстких методов управления. Шан Ян предложил законы – «фа» в качестве средства установления порядка и построения сильного государства. Шан Ян исходил из постулата о злой и порочной человеческой природе, которую невозможно исправить. Если рассматривать иероглиф «фа», то смысл его в призыве к гражданину следовать за беспристрастным решением властного органа, подчиняясь ему [9, 65]. По этому поводу в Китае существуют две позиции. Одни рассматривают законы «фа» как орудие Зла. Согласно другой позиции, законы должны существовать. И лучше пусть будут плохие законы, чем полное их отсутствие. К слову, легисты выступали против родовой аристократии и коррумпированных чиновников. Благодаря распространению легизма, в Китае произошло (правда на короткое время) объединение страны династией Цинь, была введена единая письменность. Но для общества взгляды легистов были чуждыми, а поэтому не прижились.

В эпоху Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.) китайское государство решило принять конфуцианские принципы управления посредством «ли». Но речь шла только о намерениях. Дискуссии сторонников жёсткого правления и конфуцианства продолжались.

В реальности в Китае произошёл синтез легизма и конфуцианства. Как пишет О. В. Шубаро, «жёсткие моральные нормы ортодоксального конфуцианства задавали стереотипы поведения, а закон с помощью санкций запрещал от них уклоняться. Нормы конфуцианской морали «ли» поддерживались силой закона – «фа». То, что наказуемо по «фа», не могло быть позволено «ли», а дозволенное «ли» не могло быть наказано по «фа»» [10]. Из принципов «ли» и «фа» вытекают две составляющие китайского сознания – стыд и страх. Стыд означает внутренний мотив отказа от правонарушения, а страх – страх наказания. К слову, центральным институтом китайского права является смертная казнь, и даже незначительные преступления караются очень строго. Само понятие «право» для китайцев более всего ассоциируется с наказанием.

Главенство этических норм «ли» обусловило то, что главным средством регулирования отношений человека и общества стали обычаи, которые воплощают в себе идеологию примирения и бесконфликтности. А. В. Егоров выделяет три группы обычаев: 1) обычаи, регулирующие межличностные отношения; 2) обычаи, устанавливающие порядок властного подчинения; 3) обычаи, устанавливающие правила разрешения конфликтов.

В основе первой группы обычаев лежит модель патриархальной семьи. Со стороны отца – это любовь к детям, но одновременно абсолютная власть над ними. Данный тип отношений переносится на общину и на всё государство, где монарх – отец нации. Один из принципов построения семьи – это сыновняя почтительность по отношению к отцу. Эта же модель переносится на начальника и государя.

Вторая группа обычаев тесно связана с первой. Здесь, с одной стороны, подчинение императору и дальше по иерархии. Но и сама власть должна заботиться о подданных и действовать в интересах народа и подчиняться моральным нормам. А. В. Егоров пишет, что «влияние этих обычаев обнаруживается и в современных формах управления, в частности определение правового статуса гань бу – управленческих кадров» [4, с. 175]. Эти обычаи направлены на регулирование поведения чиновников. Если они нарушают нормы «ли», то к ним применяют законы «фа».

Третья разновидность обычаев – способы разрешения конфликтов, или «даже скорее устранение эксцессов в китайской общине» [4, с. 176]. Если кто-то считает, что ему нанесли обиду, то обычай требует установления факта нанесения обиды и нарушения правил «ли». Главная цель – не то, чтобы устранить, но даже недопущение конфликта. Китайская община – это закрытое пространство, где, как уже было сказано, человек подчинён ей безусловно, поэтому о правах личности говорить не приходится.

Обычаи – это те нормы, которые понятны всему обществу и без всякого принуждения реализуются в практической жизни, основываясь на внутренней мотивации людей. На Западе

достижение соглашения – также одна из задач правового регулирования. Но в том и дело, что и в континентальном, и в англо-американском праве для этого существуют нормы процессуального права, в то время как в Китае примирение является внеправовым актом. Здесь стремятся не доводить дело до суда. Как ниже будет сказано, для этого существуют примирительные комиссии, которые прибегают не к принуждению, но только к разъяснению и убеждению. А. В. Егоров приводит слова Конфуция: «Когда я выношу решение по спорному вопросу, я не могу себя вести так, как ведёт себя другой. Я предпочитаю предотвращение спорного вопроса» [4, с. 176]. А. В. Егоров пишет, что, с одной стороны, институт примирения может рассматриваться как основа будущего правового решения, но, с другой, «китайский консенсус выступает как символ правового нигилизма» [4, с. 176]. Китайцы не прибегают к грубой и варварской системе регулирования, каковой они традиционно считают право. Их примирение – это внеправовое поведение, основанное на утончённых, многооттеночных этических нормах. В основе примирения лежит справедливость, понятая в конфуцианском смысле. В основе справедливости лежит «куань» – великодушие, которое сопровождает все стороны жизни китайского общества. Следовательно, примирение основывается на великодушии и уступчивости. Эти категории далеки от правовых норм, но являются истиной для китайца. И если в западной правовой науке и практике существует такое явление, как правовая справедливость, то китайскому обществу этот подход однозначно чужд.

Конечно, никакое современное общество не может обойтись без законов, а обычаи не могут обеспечивать глобальное регулирование. В последние десятилетия в Китае наблюдается активное правотворчество в виде принятия законов и подзаконных актов. Небывалый экономический рост требует соответствующих правовых норм. Надо сказать, что принятие закона в Китае – это очень длительный процесс, который может растянуться на многие годы. До принятия закона происходит активное подзаконное регулирование, которое быстро реагирует на происходящие изменения. Как пишет П. В. Трошинский, «именно местное правотворчество сыграло решающую роль в деле масштабного привлечения иностранных инвесторов, а следовательно, ускорило рост страны» [9, с. 45]. Большое значение в Китае имеют принципы и нормы международного права. Это прежде всего касается интеллектуальной собственности, иностранных инвестиций, налоговой и банковской сфер. Китай присоединился к международным конвенциям в этих областях. Но при этом «откуда-то возникают подзаконные правовые акты, которые обладают высшей юридической силой, чем Конвенции» [9, с. 54]. Как результат, очень много контрафактной продукции или незаконного копирования известных брендов.

Многие законы в Китае имеют декларативный характер. Например, свобода вероис-

споведания (ст. 36 гл. 2 Конституции), где прямо сказано, что граждане Китайской Народной Республики имеют свободу вероисповедания, однако одновременно в этом отношении существуют серьёзные ограничения для членов Коммунистической партии Китая (КПК).

Вернёмся к обычаю как источнику права и проанализируем, как уживаются в современном Китае законы и обычаи. Ранее говорилось, что традиционные представления китайцев о праве тесно связаны с государством. Право – это то, что исходит от государства. Как пишет китайская исследовательница Лю Цюань, «в Китае как в древности, так и сейчас принято считать, что право – это прежде всего и главным образом институт строительства и обеспечения единства – единой государственной цели, ведущей национальной идеи» [8, с. 140]. Также надо отметить, что на протяжении всей истории Китая не существовало разделения частного и публичного права. Китайскую цивилизацию, собственно, как и всю Восточную Азию, называют цивилизацией публичного права. Более того, само понятие права в смысле закона – «фа» ассоциировалось именно с уголовным правом. В личных, имущественных, обязательственных отношениях государство практически не участвовало. В Китае даже гражданско-правовые споры рассматривались как уголовные дела. По закону, если должник не исполнял свои обязательства, его били бамбуковыми палками, и даже было предусмотрено лишение свободы на срок до 1,5 лет. В случае неисполнения брачного контракта виновного лишали свободы [2].

Цель современной правовой реформы в КНР – развернуть законодательство лицом к обществу и человеку, гуманизировать его. И здесь мы видим «встречу» закона и обычая. Судья при вынесении решения всегда находится под влиянием сложившихся обычаев. Он может столкнуться с серьёзной проблемой: либо вынести справедливое решение с точки зрения обычая, но обойти закон, либо вынести решение по закону, оставляя в стороне принципы справедливости – великодушия. Как замечает Лю Цюань, такая проблема пока не разрешена. На протяжении истории Китая сложилось множество обычаев, регулирующих частные отношения. Часть из них (к слову, очень малая) получила законодательное оформление. А вообще, именно обычаи становятся основанием для вынесения судебного решения. Лю Цюань выделяет в истории современного Китая два этапа формирования отношения государства к обычаю. Первый период – с 1949 по 1978 годы. Ст. 53 Общей программы Китайской народной политической консультативной конференции от 12 сентября 1949 г. было закреплено право каждого из национальных меньшинств «хранить и изменять свои обычаи и религиозные верования». В реальности идеология коммунистического Китая отрицательно относилась к обычаям, считая их «признаком идейного консерватизма» [7]. Политика маоистского Китая была направлена на ослабление обычаев. В результате реформ Дэн Сяопина

отношение к обычаям несколько изменилось. Ныне действующая Конституция 1982 года (с изменениями от 11 марта 2018 г.) в ст. 4, п. 5, закрепляет положение о том, что «каждая национальность пользуется свободой использования и развития своего языка и письменности, свободой сохранения или изменения своих нравов и обычаев». Ст. 20 Закона «О народной полиции» от 28 февраля 1995 г. требует проявлять уважение к обычаям и привычкам людей. В настоящее время конфликт между государственным законодательством и традициями-обычаями не преодолен. Лю Цюань пишет: «Существует непонимание и неприятие населением новых норм статутного права, так как они противоречат исторически сложившимся обычаям. На этом основании многие китайские учёные призывают внимательно изучить национальные обычаи и традиции и ратуют за признание обычаев в качестве самостоятельных источников права» [7]. Лю Цюань приводит два характерных примера конфликта обычая и закона. Во-первых, по обычаям во многих сельских районах женщины лишены права наследования имущества, но при этом освобождаются от уплаты алиментов в отношении детей и родителей. Но, согласно закону (ГК КНР, ст. 1126), «мужчины и женщины равны в правах наследования». И опять же согласно ГК КНР, женщины и мужчины несут одинаковые обязанности по выплате алиментов. В реальности же вообще алиментные обязанности возникают очень редко. Как правило, при разводе, который случается также редко, дети остаются с отцом. При этом помощь со стороны матери может оказываться на добровольной основе. Во-вторых, если кто-то взял кредит и образовалась задолженность, то по обычаю обязательство по его выплате берёт на себя вся семья. По закону, взыскание распространяется на имущество должника (ГК КНР, Книга III. Контракты). Такая ситуация породила и некоторые способы разрешения конфликтов на основе сочетания норм закона и обычая. В частности, судья может решить дело по обычаю, но при этом, во-первых, указать, что этот обычай не является источником права, а во-вторых, разъяснить, почему в данной ситуации применяется не закон, а обычай.

Обычай присутствует большей частью в гражданских и семейных отношениях, и законодатель не обошёл вниманием обычаи в текстах законов, прежде всего в Гражданском кодексе, на характеристике которого следует остановиться отдельно. Нельзя сказать, что гражданские отношения полностью игнорировались в традиции Китая. Ещё в эпоху правления династии Цинь (1644–1912 гг.) действовал свод казусов – «Основные законы и постановления великой Цинь» – «Дацин Люйли», где сохранились нормы уголовного, гражданского, семейного права. Там предусматривалось около 3000 преступлений, описание которых фиксировалось в форме казусов. Дацин Люйли отразил обычаи, сложившиеся в гражданских и семейных отношениях. Данный Свод применялся до 1931 года [1]. В конце XIX века Китай встал

на путь реформ. И сразу же начались попытки кодификации гражданского права. В 1911 году возник проект Гражданского кодекса, инициатором которого стал политический деятель Шан Цзя Бен. Пять первых частей были напечатаны в 1911 году, две оставшиеся в 1916 году. Проект получил название «Проект гражданского кодекса династии Цинь». Реформы, предложенные Шан Цзя Беном, вызвали яростные протесты со стороны консервативной партии, и кодекс не вступил в силу. В 1929–1930 гг. был принят первый в истории Китая Гражданский кодекс, состоящий из пяти разделов, 29 глав, 1225 статей. После установления в 1949 году маоистского режима предпринимались попытки принятия нового кодекса. Один проект был подготовлен в 1957 году, второй в 1964-м. Оба они не были введены в действие по причине политических событий, а именно, культурной революции. К проектам ГК КНР вернулись только после 1978 года. Первый проект появился в 1982 году. Но вместо принятия кодифицированного акта появились отдельные законы, в частности, законы «О контрактах» – 1999 год; «О вещных правах» – 2005 год; «О деликтной ответственности» – 2009 год. В 2002 году появился четвёртый проект ГК КНР, но только в октябре 2014 года было принято Постановление IV Пленума ЦК КПК 18-го созыва, где говорилось о плане издания кодекса [2]. Гражданский кодекс появился 28 мая 2020 года и был принят на третьей сессии Всекитайского собрания народных представителей 13-го созыва и вступил в силу 1 января 2021 года [7]. Вновь принятый кодекс отражал социальную природу Китая, китайскую специфику, особенности переживаемого времени. Гражданский кодекс опять же не обошёл вниманием обычаи. В нём закреплены такие термины, как «обычай», «местные обычаи», «торговые обычаи». В соответствии со ст. 10 ГК КНР «Гражданские споры разрешаются по закону. Если это не оговорено в законе, могут применяться обычаи при условии, что они не нарушают общественный порядок и нравственность». А ст. 558 гласит: «После прекращения обязательств, стороны должны следовать принципу добросовестности и другим принципам в соответствии с обычаями делового оборота, в частности выполнению обязанностей по извещению, содействию, конфиденциальности, утилизации использованных предметов».

Что же подразумевает Гражданский кодекс под обычаем? По мнению исследователя Гао Цисая, следует различать обычай и обычное право. Обычай – это нормы-обыкновения, какие-то социальные традиции. Обычное право – это национальный правовой массив, который имеет в своей основе обычаи, но обособился от них. Гао Цисай утверждает, что обычаи превращаются в обычное право, то есть становятся правовыми нормами, если было повторение в течение длительного периода с признанием государства, то есть им санкционированное. Гао Цисай пишет, что гражданский обычай должен включать в себя три элемента: «1. Сознательное принятие

народом; 2. Соблюдение общественного порядка и нравственности; 3. Юридически положительные эффекты и изменение в соответствии с гражданскими правами и обязанностями» [3]. Китайские учёные по-разному понимают статьи ГК КНР, касающиеся обычаев. Так, Ши Цянью даёт такое толкование: ст. 10: «Под обычаем в данной статье понимаются обычаи, имеющие юридическую силу и обладающие определённой ценностью» [3]. Другой исследователь – Хуан Маожун – считает, что обычное право и юридическое право имеют одинаковую юридическую силу [3]. Таким образом, ст. 10 ГК КНР закрепляет не все традиции и общие социальные обычаи, а только те, которые имеют правовую природу. Они являются полноценными источниками права, на основании которых выносятся судебные решения.

В ГК КНР в 37 статьях содержится упоминание обычаев: «местные обычаи», «торговые обычаи», «нравы и обычаи». Это ст. 142, 146 – вещное право. Также они упоминаются в разделах о договорном праве и отдельных видах договоров – 509, 511, 599, 680: купля-продажа, хранение, договоры займа. При этом обычай может выступать как в качестве принципов права, так и в форме норм-регуляторов.

Большое значение для китайской правовой системы имеет рецепция западного права. Специфика китайского общества и его нормативных систем определили особенности этой рецепции Китая. Такие процессы были продиктованы необходимостью, поскольку с конца XIX века Китай проявил стремление стать частью глобального мира и влиться в мировую экономику и мировое сообщество. Но вопрос в том, возможна ли была такая рецепция в чистом виде? Ответ скорее будет отрицательным, поскольку при трансфере право сталкивается со сложившейся культурой, что в полной мере справедливо для Китая. Но всё же это возможно при условии адаптации к уже сложившимся правилам и модификации вновь принимаемых норм. Как пишет французская исследовательница Элен Пике, «отношения между правом и его контекстом очень значимы и должны быть учтены при рецепции. Но это не делает невозможным сам трансфер права. Необходимо, конечно, приблизить перенимаемые нормы к контексту права страны-реципиента. Это значительно облегчает применение норм» [15]. Поэтому нужно предоставить возможность стране-реципиенту относиться к процессу рецепции креативно, адаптировать их под свою правовую действительность. Но наряду с этим необходимо быть готовым к принятию новых норм. В Китае, как уже было сказано, это затруднено, как затруднено формирование позиции открытости. Возможно ли вообще принятие новых норм на китайской почве? Трансфер права вовлекает институты и модели тех стран, чьё право переносится в другое государство и в другую культуру. Здесь также вовлекаются законодательство страны реципиента, система государственных учреждений, юридическое сообщество. Затра-

гивается также и население. В каких случаях можно говорить об удаче или провале трансфера права? В конце 70-х гг. XX века Дэн Сяопин дал зелёный свет проведению обширных амбициозных реформ. Среди юристов начались дискуссии о праве. Прежде всего сама возможность внедрения западного права появилась с начала 80-х гг., когда произошли изменения в идеологии и отказ от маоизма, который провозглашал автаркию общества. Именно тогда начались оживлённые дискуссии, отзвуки которых слышны и сейчас. Многие политики и юристы выступали против массивной рецепции, поскольку, по их мнению, это угрожало идентичности и вело к «озападниванию» китайского общества. Они ратовали за обращение к национальным парадигмам, которые должны быть положены в основу реформы. Движение получило название «Бентухуа» («Bentuhua») и подразумевало аккультурацию, адаптацию в процессе внедрения западных моделей в Китае, чтобы не потерять идентичность и свои ценности. Учёные также выражали сомнения в успехе адаптации западных моделей. Они утверждали, что реформы могут проводиться на национальной почве. Противники рецепции говорили об огромной разнице между западными учреждениями и китайскими ценностями. Постепенно такие идеи исчезали, и сторонники массивной рецепции одержали верх.

Сомнения китайских юристов разделяли их западные коллеги. Они говорили о том, что принятие западных институтов не несёт ничего хорошего китайскому обществу и вообще налицо незаконное присвоение западных парадигм [15]. Правительство обратилось к Западу. В результате проведения политики открытости Китай стал территорией, где нашлось место и англо-американскому, и романо-германскому праву, и конфуцианским традиционным моделям. Также не стоит игнорировать коммунистическую идеологию.

Трансфер западного права начался задолго до установления коммунистического режима. Общее (английское) право пришло в Китай вместе с опиумными войнами, в результате которых Англия получила Гонконг на 99 лет. Это повлияло на всю последующую историю Китая. Многие юристы считают, что Общее право было навязано, и это справедливое утверждение. Но с момента воссоединения Гонконга с Китаем в 1987 году на официальном уровне стали признавать необходимость в применении Общего права и выражали заинтересованность в нём для последующих заимствований. При этом надо отметить, что Общее право в Китай пришло скорее всего в его американском варианте. В самих США оно было адаптировано под нужды своей страны и связано с национальными особенностями. Но всеобъемлющего влияния Общее право на Китай не оказало, хотя сфера договоров подверглась двойному влиянию – и со стороны романо-германского, и со стороны Общего права, хотя здесь предпочтение отдаётся Общему праву, которое циркулирует в области

международной торговли. А что же романо-германское право? Под эгидой китайского юриста династии Цинь Шен Цзябена (китайский государственный деятель и юрист – 1840–1913 гг.) в конце XIX века начались реформы. Выбор пал на романо-германское право. Ранее этот выбор сделал японский император Муцухито (Мейдзи), а японская экономика стала самой сильной в Азии. Успех реформ в Японии стал весомым аргументом в пользу романо-германского права. Шен Цзябен осознал разницу между традициями Европы и Китая, и понимал, что надо работать над их гармонизацией и синтезом. Проект гражданского кодекса, над которым лично работал Шен Цзябен был разработан на основе романо-германской модели. Первые пять частей кодекса были напечатаны в 1911 году, две остальные – в 1916 году. Документ получил название «Проект Гражданского кодекса династии Цинь». Но из-за яростного сопротивления оппозиции предложенный кодекс в действие не вступил. Республиканский режим, который был установлен в 1911 году, решил продолжать реформы, и в качестве идеи и модели реформирования принял романо-германское право, посчитав, что оно ближе по духу Китаю, нежели Общее право. Реформирование пошло отнюдь не гладко, и многие из реформ продержались недолго. Вторжение Японии в Китай, затем II Мировая война, наконец, гражданская война между националистами и коммунистами прервали законодательные работы. Пришедшая к власти в 1949 году коммунистическая партия отменила все законы и нормы, установленные республиканским правительством. За образец было взято право СССР, которое оставалось и после разрыва с СССР [15]. Правовая система выстраивалась по социалистической модели. Частное право было устранено, единственно значимым стало общее благо, а гражданское право стало публичным. В 1957 году развернулась кампания против правых, а в 1966 году началась Культурная революция, которая длилась десять лет. Правотворческая деятельность почти не велась, и только в 1978 году Дэн Сяопин дал зелёный свет реформам. С 1980-х гг. китайский законодатель вновь проявил интерес к романо-германской системе, которая стала отправной точкой для последующих реформ. Надо оговориться, что речь шла не о принятии идеи, а об инструментальном заимствовании. Но почему обратились именно к романо-германскому праву? С 1978 года было провозглашено возвращение частного сектора. Привлекательность романо-германской системы можно объяснить выделением таких нормативных массивов как частное и публичное право. Частная сфера и индивидуализм всегда были проблемой Китая, что особенно проявилось в годы Культурной революции. Принятие и признание частной собственности означало разрыв с маоистским прошлым. Нужно было отделить частную и публичную сферы, и романо-германская модель вполне подходила для этого. Кроме того, имперская юридическая традиция основывалась на писаном праве, что сближало китай-

ское и романо-германское право [15]. Кроме того, присутствовал и политический контекст. Суды не обладали таким весом как в системе Общего права и невелика вероятность, что компартия позволит им выйти на первый план. Власть могла терпеть судебную систему лишь со скромными амбициями. Но доминирование романо-германского права отнюдь не бесспорно. Как и все социальные явления, романо-германское право связано с языком [15]. Студенты в первую очередь изучают английский. Французский и немецкий – это вторые языки, если они вообще изучаются. Каждый год китайские студенты уезжают учиться в США, Великобританию, Австралию и проникаются идеями общего права. Франция и Германия принимают гораздо меньше студентов, что вызывает озабоченность сторонников романо-германского права. Кроме этого, Китай активно приглашает американских профессоров, которые в университетах преподают Общее право. Китайские юристы подходят к праву гораздо более гибко, чем это свойственно романо-германской правовой системе.

В настоящее время среди китайских юристов существуют два лагеря. Одни настаивают на применении в Китае модели Общего права с тем, чтобы отойти от романо-германского права. Другие говорят о симбиозе этих правовых систем. Присутствие Общего права в китайской правовой системе не создаёт проблем, и не надо разрешать вопрос совместимости. Но если позиция романо-германского права слабеет, то, по мнению Элен Пике, это не означает тотального использования Общего права [15]. Отношения Китая с западными странами всегда были непросты. В первой половине XX века Китай стремился пропитаться духом Запада, часть интеллектуальных слоёв общества даже преклонялась перед ним. Отголоски такого отношения заметны и сейчас. И выбор между Общим правом и романо-германским правом волнует китайских юристов. По словам одного из них, Лианга Хуи Синга, Общее право – это нечто хаотичное и несвязное [15]. Сторонники же Общего права рассматривают романо-германскую систему как нечто законсервированное, не способное к эволюции. Конечно же, и то и другое восприятие неверно. Общее право обладает множественными механизмами, которые обеспечивают взаимосвязь норм и позволяют рассматривать Общее право как целостную систему. В то же время история показывает, что романо-германское право способно не только к эволюции, но и к радикальным изменениям, например, после Французской революции. Надо сказать, что в реальности происходит заимствование различных моделей и, несмотря на авторитет романо-германского права, влияние Общего права огромно. Как пишет французский исследователь Жозеф Рейно, «законодательство в Китае не связывает себя с какой-то систематической моделью. Китайцы используют *ad hoc* и Общее право, и романо-германское право, и конфуцианство, и марксизм. То есть воспринимается всё, что может быть полезно, но без восприятия

духа западного права» [17, с. 601]. Китай представляет собой перекрёсток традиций, а использование западного права – всего лишь инструментализм, даже, как утверждает Элен Пике, это бесспорный инструментализм [16]. Тем не менее китайские юристы говорят о важности и необходимости рецепции западного права, без которой невозможно дальнейшее правовое развитие [17, с. 603]. Китай, конечно же, нуждается в рецепции западного права, и это не просто инструментализм, а адаптация и интеграция западного права в китайскую правовую действительность. По мнению Жозефа Рейно, «необходимо выбрать, что именно из западного права может быть объектом рецепции. И это не какие-нибудь юридические концепции, появляющиеся *ad hoc*, но которые способны к адаптации и интеграции и могли бы быть реализованы в китайской действительности. Необходимо создать интегрированную систему права, которая могла бы быть органически построена как единое целое, то есть связать западные нормы и китайскую реальность» [17, с. 605]. Синкретический подход сопровождается введением иностранных юридических моделей и обеспечивает открытость процессу рецепции права, с тем, чтобы черпать необходимое из различных юридических традиций и концептов и адаптировать к китайской жизни. Но существует и внутренняя оппозиция этим проектам, которая выражается в различных формах. Например, проявление оборонительного национализма. Некоторые юристы боятся, что китайская юридическая традиция подвергается угрозе. Есть те, которые утверждают, что западная и китайская системы настолько несовместимы, что никакая серьёзная рецепция невозможна. Ведутся дискуссии о преимуществе романо-германского и Общего права, к тому же очень сильна идея синкретизма правовых систем [17, с. 604]. Синкретический подход сопровождается введением иностранных юридических моделей, что обеспечивает открытость для рецепции. Он позволяет импортировать и адаптировать новые модели к правовой реальности.

Обратимся к некоторым институтам, где особенно чётко просматривается синкретический подход. Это, например, контрактное право и принцип добросовестности. Концепция добросовестности в китайском праве одновременно вобрала в себя черты и западного права, и конфуцианства. Данный принцип закреплён в ГК КНР (ст. 509), и он дистанцируется от корней цивилистики, поскольку реализуется в масштабах всего коллектива. Здесь присутствует не только разграничение частных интересов, но и взвешивание интересов других – всего государства и общества. Конфуцианские нормы защищают коллектив, но никак не индивида. В китайском варианте принцип доброй совести наполнен интересами общего блага. Роль суда в Китае отличается от США, где он играет главную роль, но не вмешивается в существо контракта. В Китае, напротив, суд в этом случае может вмешаться, если увидит, что контракт не

соответствует моральным устоям. Неформальные устои всегда берут верх над правовыми нормами [13]. Есть упоминание того, что западный институт о долге в фидуциарных обязательствах наиболее близок к китайскому пониманию добросовестности. Но в Китае этот принцип переносится на других и на коллектив. Китайский суд может признать необходимость строгого соблюдения контракта неэтичным с точки зрения китайского понимания доброй совести, которое основывается на моральных и культурных нормах, но не на правовых. На таком понимании основывается деловая этика, хотя в Китае контрактное право содержит нормы международных контрактных практик [13]. Но как это звучит для китайцев? В сфере контрактных переговоров требуется долг верности при формировании контракта, долг честности и недопущения обмана, долг выполнить обещания, долг конфиденциальности [13]. Также присутствует ряд вспомогательных обязанностей, на которые стороны могут ссылаться, в частности, уведомить об окончании контракта. Контракт длится до окончания срока, в противном случае это будет считаться дефектом исполнения и недостижением цели. Окончание контракта может наступать только после окончания срока его исполнения. Добрая совесть, наконец, требует честности, верности и конфиденциальности и после окончания контракта [13]. Принцип добросовестности играет значительную роль в интерпретации контракта в его контексте. Речь идёт об столкновении цели, природы договора, деловых обычаев той сферы, где заключается контракт, балансе интересов сторон.

Можно привести ещё один пример китайского синкретизма. Это сфера медиации. Сущность медиации китайского образца состоит в том, что судебные посредники стараются не довести дело до суда, а разрешить его во внесудебном порядке, без применения процессуальных норм. Цель всего китайского общества – это гармония и консенсус, поэтому посредники и судьи стремятся не столько разрешить спор, сколько примирить стороны. Законопослушный китаец тот, кто не доводит дело до суда. Примирительные комиссии не применяют принудительных мер, а пользуются силой убеждения, используют разъяснения. Как пишет А. В. Егоров, в консенсусе, с одной стороны, заложена возможность применения правового режима в отношении спорящих сторон, где арбитрами выступают специалисты. Но, с другой стороны, китайский консенсус являет собой символ правового нигилизма. Здесь присутствует дух бесконфликтности и гармонии. Консенсус – это доправовое и внеправовое соглашение [4, с. 174]. Судебные посредники при разрешении спора руководствуются обычаями, притом обычаями той местности, где возник спор. Медиаторы решают споры в области трудового права, семейных, наследственных отношений, а также рассматривают мелкие административные и уголовные дела. В Китае работают несколько миллионов медиаторов и около миллиона посреднических коми-

тетов [7, с. 140]. Лю Цюень пишет, что «цель судебной практики – не победа в судебном споре, а эффективное разрешение конфликта и максимальное удовлетворение сторон» [7, с. 140].

Характеризуя правовую систему Китая, нельзя пройти мимо судебного прецедента, тем более что Общее право играет значительную роль, являясь живым регулятором. Повторимся, что главным источником права Китая является нормативный акт, поскольку Китай всё же – ветвь романо-германской системы. Судьи не могут заниматься правотворчеством, однако, как пишет Лю Цюень, «в процессе судебной реформы все большее внимание уделяется прецедентному праву» [8, с. 2]. Здесь вновь ставится цель достижения баланса, гармонии и справедливости. В 2011 году была проведена важная новация в сфере судебной власти. Верховный суд получил право систематизации спорных судебных дел по всей стране и право издавать приказы о руководящих судебных делах. Кроме того, имеются и руководящие судебные дела Верховной народной прокуратуры, которые определяют судебный процесс с участием органов прокуратуры. По мнению Лю Цюень, приказы Верховного народного суда имеют сходные черты с судебным прецедентом, хотя, несомненно, присутствуют и различия. В приказы, как правило, включаются решения по тем делам, которые получили общественный резонанс либо имеют значение для последующих решений. Приказы Верховного народного суда имеют бессрочный характер. Какие же установлены условия для включения судебных дел в приказы? Во-первых, дело должно иметь большое значение для всей общественной и государственной жизни. Решения по таким делам становятся в определённом смысле правовой нормой. Во-вторых, решение должно вступить на момент рассмотрения в законную силу. Руководящие приказы – это типовые примеры разрешения подобных дел по всей стране». Они систематизируются в отдельные приказы и издаются в качестве образца для судей и юристов. Руководящие приказы состоят из пяти частей: «1. Основные положения решения; 2. Применяемые нормативные акты; 3. Обстоятельства дела; 4. Резолютивная часть решения или приговора; 5. Мотивы решения [8, с. 2]. При этом основные обстоятельства дела, резолютивная и мотивировочная части берутся у судов, непосредственно рассматривавших дело или вышестоящих инстанций, а основные положения составляют судьи Верховного народного суда» [8, с. 5]. Приказы Верховного народного суда являются обязательными для судебных инстанций, но не признаются источниками права, что является общим правилом для романо-германского права. Приказы разделяются на два вида. Во-первых, это образцовые судебные дела, которые «служат образцом для всех судов. Их, по сути, можно назвать прецедентами. Во-вторых, формулирующие судебные дела, которые, по существу, являются актами толкования

нормативных актов, применяемых при вынесении решения. Образцовые судебные решения, как правило, выносятся по гражданским и административным делам. По уголовным делам выносят только формулирующие судебные решения, которые, по существу, являются актами толкования. Дело в том, что в уголовных делах обстоятельства гораздо сложнее, чем могли предположить законодатели, и чтобы правильно разрешать дела, судьям необходимо знать, какое толкование является верным. Лю Цюсень пишет, что «влияние образцовых руководящих судебных решений не такое высокое, как планировал законодатель. В 2019 году только восемь процентов решений было вынесено в соответствии с Руководящими приказами, хотя при бурном развитии законодательства и усилении интенсивности работы судов у этих правовых актов есть будущее» [8, с. 5].

Обратимся, наконец, к ещё одному явлению китайской реальности, а именно, к гуаньси, что переводится как «круговая порука», «блат» и представляет собой мощный неформальный регулятор общественных отношений, идея которого – в мобилизации всей сети отношений для тех, кто сталкивается с необходимостью решения проблем на всех уровнях социальной жизни. Это привычка тонко понимать окружающее общество в комплексе, чтобы принять правильное решение. Гуаньси даёт неограниченные возможности пользоваться помощью других людей. Своими корнями гуаньси уходит в глубину веков, «в социум китайской деревни, где отношения регулировались по степени близости: члены семьи, родственники, друзья, односельчане, добрые знакомые. Нижний уровень гуаньси – знакомые, а отношение к незнакомым – «настороженное» [6]. Незнакомец, то есть человек со стороны, не является «своим». Никогда не знаешь, чего ожидать от него, ему не принято доверять, а обмануть его не считается зазорным. То есть исторической основой гуаньси являются отношения «свой-чужой».

При характеристике гуаньси следует выделить главные моменты. Гуаньси начинается с двух человек, но неизбежно к решению проблемы привлекается всё больший круг людей. Этот круг общения похож на падение камня в воду, от которого растекаются круги по воде. Вокруг индивида – первый круг. Используются разные уровни связей: фамильные, школьные, профессиональные, то есть привлекаются все те, кто может способствовать решению проблемы [14]. К гуаньси прибегают, чтобы решить различные проблемы – семейные, профессиональные, личные. В отношении гуаньси, как правило, один человек не имеет готового решения, даже если он готов помочь. Поэтому гуаньси «включает в себя ряд мероприятий, в основном заранее запланированных и проведённых двумя или несколькими участниками гуаньси. Это может быть совместная трапеза, дарение, оказание

одолжений» [6]. Гуаньси может сложиться между людьми, у которых до этого не было связей, хотя процесс их установления достаточно длителен. Гуаньси – это этика возврата: должник должен отплатить своему благодетелю. И скорее всего не сразу, может, в будущем, когда возникнут обстоятельства. Это взаимные отношения, в которых сроки и характер услуги заранее не определены. Например, гуаньси – это отношения между начальником и подчинённым, работником и работодателем. Сотрудники демонстрируют работодателю глубокую почтительность, они заботятся о сохранении лица начальника, они готовы задержаться на работе до поздней ночи или поработать во внеурочное время без требования оплаты. Однако сотрудник знает, что его обязательно поощрят. И снова может пройти время. Так, сверхурочные часы, возможно, будут учтены при выплате премии. Работник может взять отгул на пару дней, и работодатель отнесётся к этому с пониманием. «Работодатели и работники не придают большого значения Трудовому кодексу. В подавляющем большинстве случаев работодатель не будет увольнять работника за то, что он не справляется со своими обязанностями, если он честен и старателен. Ему обязательно подберут работу по силам» [6].

Обсуждение

В ходе исследования был проанализирован характер государственности Китая, которая сформировалась ещё в древности. Сущность китайского государства – это жёсткое централизованное управление и полное огосударствление жизни общества. Конфуций сформулировал основные принципы жизни индивида, общества и государства. В настоящее время Китай активно развивается, заимствует нормы западного права, сохраняя собственные традиции и самобытность. В китайском обществе огромную роль играют веками установившиеся обычаи, которые конкурируют с правовыми нормами.

Заключение

Итак, Китай – это уникальная великая цивилизация, выстроенная благодаря умениям чиновников и огромному трудолюбию людей. Здесь сочетаются верность устоям, защита традиций и принятие нового. Считаая изначально, что право – чуждое для китайцев явление, они все же применяют, используют и не отторгают его. Оно реально регулирует жизнь людей. Китайцы сумели совместить право с нормами «ли», наполнить ими нормы, пришедшие с Запада, причём делают это гармонично, не создавая опасности раскола и даже разбалансирования общества. Китай невозможно понять даже наполовину. Культура его пришла из глубины времён. Однако знать социально-правовое бытие Китая нужно, поскольку общение и сотрудничество с этой замечательной страной необходимо и желательно многим странам, в том числе и России.

Список литературы

1. Анисимцев Н. В. История и современные проблемы модернизации гражданско-правовой системы КНР // Политика и общество. – 2016. – № 4. – С. 413–421.
2. Ван Чжихуа. Путь кодификации гражданского законодательства [Электронный ресурс] // Cyberleninka : сайт. – URL : <http://ru/article/n/put-kodifikatsii-gragdanskogo-zakonodatelstva-v-kitae/wiewer> (дата обращения 04.05.2023).
3. Гао Цицай. Обычное право в Гражданском кодексе КНР: определение, содержание, значение // Молодой учёный. – 2021. – № 39. – С. 84–91.
4. Егоров А. В. Китайская правовая система в оценке традиционного китайского права // Международное право и сравнительное правоведение. – 2006. – № 2. – С. 171–177.
5. Конфуций. Лунь Юй // Классическое конфуцианство : в 2-х т. – Санкт-Петербург: Нева; Москва: ОЛМА-пресс, 2000. – Т. 1. – 381 с.
6. Луцкая Е. Е., Леонтьев С. В., Лю Вей. Китайская система взаимоотношений гуаньси и его влияние на деловую этику и организацию поведения [Электронный ресурс] // Cyberleninka : сайт. – URL : <http://cyberleninka.ru/article/n/Kitayskaya-sistema-vzaimootnsheniy-guanxi-ee-vliyanie-na-delovuyu-etiku-i-organisatsonnoye-povedenie> (дата обращения 04.05.2023).
7. Лю Цюсянь. Обычное право в системе источников права современного Китая // Вестник Московского университета : Серия 11. Право. – 2017. – № 4 [Электронный ресурс] // Cyberleninka : сайт. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obychnoe-pravo-v-sisteme-istochnikov-prava-sovremennogo-kitaya> (дата обращения: 03.05.2023).
8. Лю Цюсянь. Статус и роль руководящих судебных дел в Китайской народной республике как прецедентное право // Юридический Вестник Кубанского государственного университета. – 2020. – № 1. – С. 2–7.
9. Трощинский П. В. Правовая система Китая : монография. – Москва : ИДВ РАН, 2016. – 471 с.
10. Шубаро О. В. Традиционная правовая система в Китае и современность // 3 межд. науч. конф. «Беларусь – Китай. Китай в современном мире». Мн.: БГУ, 2011– Вып. 11 [Электронный ресурс] // Электронная библиотека БГУ : сайт. – URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/11929> (дата обращения: 03.05.2023).
11. Чжоу Цзунхуа. Дао И-Цзина. Путь к прорицанию. – Киев: София, 2004. – 362 с.
12. Herbard M. La pensée chinoise et le droit modern [Electronic resource] // CHINE informations : site. – URL: https://chine.in/guide/pensee-traditionnelle-droit-moderne_3482.html (date of treatment: 03.05.2023).
13. Larry A. Di Mateo. Rule of Law in China: The contradiction of formal law with cultural norm [Electronic resource] // Cornell International Law Journal : site. – URL: <https://scholarship.law.cornell.edu/cilj/vol51/iss2/3> (date of treatment: 03.05.2023).
14. *Le guanxi en Chine: un concept operatoire de l'intelligence economique* [Electronic resource] // OpenEdition. journal: site. – URL: <https://journals.openedition.org/> (date of treatment: 03.05.2023).
15. Piquet Helen. La Chine a la croise des traditions juridique. Regard sur le transfert du droit et le droit chinois [Electronic resource] // Erudit : site. – URL: <http://www.crudiv.org/en/journal/ps/1900-v-1-ps1729/01528> (date of treatment: 03.05.2023).
16. Piquet Helen. La Chine au carrefour des traditions juridique. Bruxelles. – 2005 [Electronic resource] // OpenEdition. journal: site. – URL: <https://journals.openedition.org/perspectiveschinoises/3403> (date of treatment: 03.05.2023).
17. Reynaud Joseph. Reflexion sur la reception du droit étranger en Chine // Home books and Journal – Mobile Law journal. – Vol.51. – № 3. – 2016. – 601 p.

References

1. Anisimtsev N. V. Istoriya i sovremennyye problemy modernizatsii grazhdansko-pravovoy sistemy KNR // Politika i obshchestvo. – 2016. – № 4. – S. 413–421.
2. Van Chzhikhua. Put' kodifikatsii grazhdanskogo zakonodatel'stva [Elektronnyy resurs] // Cyberleninka : sayt. – URL : <http://ru/article/n/put-kodifikatsii-gragdanskogo-zakonodatelstva-v-kitae/wiewer> (data obrashcheniya 04.05.2023).
3. Gao Tsitsay. Obychnoye pravo v Grazhdanskom kodekse KNR: opredeleniye, sodержaniye, znacheniye // Molodoy uchonyy. – 2021. – № 39. – S. 84–91.
4. Yegorov A. V. Kitayskaya pravovaya sistema v otsenke traditsionnogo kitayskogo prava // Mezhdunarodnoye pravo i sravnitel'noye pravovedeniye. – 2006. – № 2. – S. 171–177.
5. Konfutsiy. Lun' Yuy // Klassicheskoye konfutsianstvo : v 2-kh t. – Sankt-Peterburg: Neva; Moskva: OLMA-press, 2000. – T. 1. – 381 s.
6. Luts'kaya Ye. Ye., Leont'yev S. V., Lyu Vey. Kitayskaya sistema vzaimootnosheniy guan'si i yego vliyaniye na delovuyu etiku i organizatsiyu povedeniya [Elektronnyy resurs] // Cyberleninka : sayt. – URL : <http://cyberleninka.ru/article/n/Kitayskaya-sistema-vzaimootnsheniy-guanxi-ee-vliyanie-na-delovuyu-etiku-i-organisatsonnoye-povedenie> (data obrashcheniya 04.05.2023).

7. *Lyu Tsyusen*. Obychnoye pravo v sisteme istochnikov prava sovremennogo Kitaya // Vestnik Moskovskogo universiteta : Seriya 11. Pravo. – 2017. – № 4 [Elektronnyy resurs] // Cyberleninka : sayt. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obychnoe-pravo-v-sisteme-istochnikov-prava-sovremennogo-kitaya> (data obrashcheniya: 03.05.2023).

8. *Lyu Tsusen*. Status i rol' rukovodyashchikh sudebnykh del v Kitayskoy narodnoy respublike kak pretsedentnoye pravo // Yuridicheskiy Vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2020. – № 1. – S. 2–7.

9. *Troshchinskiy P. V.* Pravovaya sistema Kitaya : monografiya. – Moskva : IDV RAN, 2016. – 471 s.

10. *Shubaro O. V.* Traditsionnaya pravovaya sistema v Kitaye i sovremennost' // 3 mezhd. nauch. konf. «Belarus' – Kitay. Kitay v sovremennom mire». Mn.: BGU, 2011– Vyp. 11 [Elektronnyy resurs] // Elektronnaya biblioteka BGU : sayt. – URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/11929> (data obrashcheniya: 03.05.2023).

11. *Chzhou Tszunkhua.* Dao I-TSzina. Put' k proritsaniyu. – Kiyev: Sofiya, 2004. – 362 s.

12. *Herbard M.* La pensée chinoise et le droit modern [Electronic resource] // CHINE informations : site. – URL: https://chine.in/guide/pensee-traditionnelle-droit-moderne_3482.html (date of treatment: 03.05.2023).

13. *Larry A. Di Mateo.* Rule of Law in China: The contradiction of formal law with cultural norm [Electronic resource] // Cornell International Law Journal : site. – URL: <https://scholarship.law.cornell.edu/cilj/vol51/iss2/3> (date of treatment: 03.05.2023).

14. *Le guanxi en Chine: un concept operatoire de l'intelligence economique* [Electronic resource] // OpenEdition. journal: site. – URL: <https://journals.openedition.org/> (date of treatment: 03.05.2023).

15. *Piquet Helen.* La Chine a la croise des traditions juridique. Regard sur le transfert du droit et le droit chinois [Electronic resource] // Erudit : site. – URL: <http://www.cruedit.org/en/journal/ps/1900-v-1-ps1729/01528> (date of treatment: 03.05.2023).

16. *Piquet Helen.* La Chine au carrefour des tradition juridique. Bruxelles. – 2005 [Electronic resource] // OpenEdition. journal: site. – URL: <https://journals.openedition.org/perspectiveschinoises/3403> (date of treatment: 03.05.2023).

17. *Reynaud Joseph.* Reflexion sur la reception du droit estranger en Chine // Home books and Journal – Mobile Law journal. – Vol. 51. – № 3. – 2016. – 601 p.

Статья поступила в редакцию 30.05.2023; одобрена после рецензирования 06.07.2023; принята к публикации 27.07.2023.

The article was submitted May 30, 2023; approved after reviewing July 06, 2023; accepted for publication July 27, 2023.